
Путь
в
семью
Дмитрий Каменов

Дмитрий Каменов

Путь в семью

«Автор»
2026

Каменов Д. И.

Путь в семью / Д. И. Каменов — «Автор», 2026

Эта повесть писалась для тебя, мой младший брат. Мне шестнадцать, и меня зовут Дима. Я не знаю, что такое настоящая семья. После смерти мамы и лишения отца прав я оказался в мужском монастыре в Звенигороде, где вместо любви нашел лишь сухое послушание и крик отца Наума. Я искал тепло в казенных стенах, но находил только страх. Всё изменилось, когда за мной пришел Александр Но наше тихое счастье под угрозой: монастырь не отдает своих детей. Впереди суд, где решится, останусь ли я строчкой в казенном списке или наконец обрету дом. Это история о том, как я искал семью, и о человеке, который стал моим старшим братом по зову сердца, а не по крови. Посвящается моему младшему брату Дмитрию Ильичу Каменеву. Написано твоим старшим братом, Николаем Александровичем Глазовым.

© Каменов Д. И., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Каменов
Путь в семью

Повесть основана на существующей обители, находящихся в городе Звенигород Московской области, А за основу поведения монахов в повести я взял отношение к детям и людям некоторых монахинь из малоярославецкой «свято» - никольской женской обители

Это повесть посвящается любимому младшему брату Дмитрию Ильичу Каменеву
Глазов Николай Александрович

Эпиграф: В отношении мужской обители святого Саввы Освящённого я не имею личных претензий или обид! Обитель взята в качестве художественного творчества с целью показать мою ненависть только в отношении малоярославецкой обители!!!!

Жанр: драма - притча, православно - социальная проза!
Автор: Дмитрий Ильичь Каменов
Составить: Глазов Николай Александрович!

Предисловие

Где любовь? Всё думал я — может, в монастыре? Нет, там сухое послушание, ласковые слова, которые не греют, доброе сердце, которое убивает. Там матеря, что дьявола носят, там отцы, которым безразличны мы. Так скажите, где же она, любовь? Всё думал я… Ну не знаю, нашёл ли я ответ. Это я. Я Дима, и мне шестнадцать лет.

Я часто спрашивал себя об этом — лежа на жёсткой казённой кровати, глядя в потолок, слушая, как за окном шумит осенний ветер. Где любовь? Может быть, в семье? Но у меня не было семьи. Может, в церкви? Но там я видел больше страха, чем тепла. Может, в дружбе? Но друзья в детском доме — это не друзья, это соседи по несчастью, которые завтра могут стать врагами. Я искал любовь везде, где только можно, — и нигде не находил. А может, и находил, только не понимал, что это она. Ведь любовь, как я теперь думаю, не всегда выглядит красиво. Иногда она приходит в рваных ботинках и с мозолями на руках. Иногда она молчит, когда хочется кричать. Иногда она пахнет ладаном и кашей. Я не знал этого тогда. Я был просто мальчишкой, которому хотелось, чтобы кто-то назвал его своим. По-настоящему своим. Не по бумажке, не по приказу, не из жалости. А просто так. Потому что ты есть. Вот об этом я и хочу рассказать. О том, как я искал любовь и что нашёл. Или не нашёл. Время покажет.

Глава первая. Тяжесть монастырского быта

Жили мы в небольших комнатах при территории мужской обители. Монастырь этот назывался, уж не знаю, но батюшка рассказывал в честь Саввы Освященного. Находился в городе Звенигород. Место это древнее, намоленное, с высокими стенами и старыми деревьями, которые помнили ещё, наверное, времена, когда здесь ходили совсем другие люди. Я не очень-то разбирался в истории, но чувствовал, что стены эти дышат чем-то большим, чем просто

камнем. Может быть, молитвой. Может быть, чужой болью. А может, и моей собственной, которую я принёс сюда вместе с рюкзаком и парой футболок.

Мы постоянно участвовали в делах монастыря и те, кто хочет, и те, кто не хочет. Нас особо не спрашивали, хотим мы ходить на эти службы, молиться. Нас заставляли. Не то чтобы прямо били и гнали палкой, нет. Но попробуй не пойди потом такое начнётся, что лучше уж пойти. Послушание здесь было выше всего. Выше усталости, выше желания, выше тебя самого. Ты не принадлежал себе. Ты принадлежал распорядку. И это, честно говоря, было и хорошо, и плохо одновременно. Хорошо — потому что дисциплина. Плохо — потому что ты переставал понимать, чего хочешь ты сам. А может, никогда и не знал.

В комнате у нас обычно жило по четыре… ой, восемь человек. Моя же комната расположилась с ребятами практически моего возраста, чуть, может, младше ну или старше меня. У нас есть ребята четырнадцати лет, есть пятнадцати, есть и постарше — там шестнадцати лет и больше шестнадцати. Но обычно уже с шестнадцатилетних они уже в другой комнате живут, но туда бывает подселяли. Эх… Когда моего папу лишили родительских прав, а мама умерла, мне какая-то тётя, помню имя её Лидия Васильевна, предложила какое-то время пожить именно в детском доме при монастыре, говорят, что там намного мне лучше будет. Но лучше не стало. Напротив, мне было здесь плохо и тоскливо. Я очень хотел семью. Не просто крышу над головой и тарелку каши. Я хотел, чтобы кто-то ждал меня. Чтобы кто-то спрашивал, как прошёл день. Чтобы кто-то расстраивался, если я задерживаюсь. Чтобы кто-то радовался, когда я захожу в дверь. Эх… Кстати, сейчас придёт батюшка, и мы пойдём в храм. Я всю ночь не спал, а под одеялом, пока никто не видел, играл в Standoff. Эх, по крайней мере, в виртуальной реальности можно уйти от себя в этот игровой мир и там расслабиться. Обидно только, что на земле это бывает очень сложно. Там, в игре, ты — кто-то. У тебя есть команда, есть цель, есть победа. А здесь ты — просто мальчик без фамилии, которую кто-то захотел бы носить. Здесь ты просто строчка в списке.

Тут в двери ворвался батюшка-иеромонах. Это был самый строгий из всех иеромонахов. Казалось, все его дети боялись. Он не имел ни любви, ничего, только строгость. И сказал: «Поднимайтесь! Уже через полчаса будет служба, а вас всё ещё нету! Изверги! Дьявольское отродье!» — кричал батюшка. Все поднялись, испугавшись. И я поднялся. Он Сказал: «Ну-ка живо! Все по своим местам одеваться! Одеваться, кровать заправить, и на выход на службу. Понятно?» — сказал, чуть ли не на крича на расстрел. Это был отец Наум. Никто из детей не понимал, почему он такой строгий и жестокий. Мы его боялись. И даже когда была не его смена, боялись даже слово сказать при нём. Он был человек очень стального характера, и поэтому с ним особо не забалуешь. Я иногда думал: а был ли он когда-нибудь мальчиком? Смеялся ли он когда-нибудь? Или он родился уже таким — с этим тяжёлым взглядом, с этой сжатой челюстью, с этим голосом, от которого дрожат стёкла? Мне казалось, что если бы я увидел его улыбку, то мир бы перевернулся. Но я так ни разу её и не увидел. Может, она и была где-то глубоко внутри, но он её прятал так старательно, будто она была чем-то постыдным. Может, он боялся, что если улыбнётся, то мы перестанем его слушаться. А может, он просто забыл, как это делается.

Особо я, конечно же, старался вести такой правильный образ жизни, как меня ещё моя мама приучила. Кстати, моя мама, она была христианкой. Мама и в храм очень много ходила, была очень намоленная. И в монастыре об этом все знали. Она была очень благочестивая женщина. Ну, конечно ж, не без достатков. Бывало, когда домой со школы возвращался, мама могла там курить, с подругой часами разговаривать, пиво выпивать. Вспоминаю, как-то при-

хожу из школы, а мама сидит за столом, бутылка стоит уже полупустая Жигулёвского, и МУЗ-ТВ смотрит. Я даже не обратил внимания, только сказал: «Мам», и отвернулся, и пошёл работать над проектом школьным. Мама лишь тогда сказала: «Что? А, это ты, сын? Иди». И всё. Я никогда не понимал, что такое настоящая семья.

Я помню её руки. Они пахли маслом и ладаном одновременно. Она могла утром молиться так, что я слышал шёпот через стену, а вечером — сидеть с сигаретой в зубах и смотреть в телевизор, будто это был не телевизор, а какая-то спасительная дверь, в которую она хотела уйти. Я не осуждал её. Я просто не понимал. Как это быть святой и грешной одновременно? Как это молиться о спасении и пить пиво? Она никогда не объясняла. Может, не могла. Может, не хотела. Может, сама не знала ответа. Но я любил её. Любил той странной, неполной, неудобной любовью, которую не умел назвать. И когда её не стало, я понял, что потерял не только мать. Я потерял единственного человека, который знал меня с самого начала. Который помнил, каким я был до всего этого. Который мог бы однажды рассказать мне, что я не просто строчка в списке.

В соцсетях я бывало, когда сидел за компьютером, когда мама не особо занималась, я переписывался с одним мальчишкой, называл его братом. И он мне тоже, кстати… От этого у меня всегда трепетало и радовалось сердце, что неужели кто-то и вправду меня считает родным братом. Мы познакомились в одной группе, где выкладывали фотографии заброшенных зданий. Я тогда увлекался этим лазил по старым домам, фотографировал. Там было тихо и страшно, и почему-то спокойно. Как в храме, только без людей. Он написал мне первым: «Классный кадр. Где это?» И понеслось. Мы переписывались каждый вечер. Он называл меня «братишка». Я ждал этих сообщений как манны небесной. Я не знал, как он выглядит. Я не знал, сколько ему лет. Я не знал, правда ли он тот, за кого себя выдаёт. Но мне было всё равно. Я так хотел, чтобы у меня был брат, что готов был поверить в любого. Однажды он написал: «Ты знаешь, что где-то на свете есть человек, который думает о тебе прямо сейчас?» И я сидел в тёмной комнате, смотрел на светящийся экран и чувствовал, что да, знаю. Теперь знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.